

Рихард Рудольфович Васми (1929–1998) родился в Ленинграде, в Демидовом переулке. Когда-то в ответ на просьбу изложить биографию ответил: «Биографии у меня нет: в армии не служил, в тюрьме не сидел». Однако разговор не остался без последствий – он написал автобиографию, одну с небольшим страницу своим крупным почерком. «Родился в финско-эстонской семье» – он всегда это акцентировал из протеста против великодержавного шовинизма. На самом деле его мать, Анна Степановна, была русской.

В 1941 году, когда Эстония была уже советской, ездил туда к родным отца и «обалдел от количества магазинов с игрушками». Детские игрушки – пластические объекты – были в его доме до самой смерти.

В 1942 году родители умерли от голода. Жил один, потом был помещен в детский дом, с ним эвакуирован. Вернулся в 1945 году.

Школьный товарищ, Вахтанг Кекелидзе, учившийся в СХШ, свел со своей компанией, куда Рихард был принят, «заняв в ней позицию человека крайне оригинального». В 1948–1950 учился в Архитектурном техникуме. Пытался поступить в Инженерно-строительный институт, но неудачно. Потом строил только свои холсты и фантастические планы.

Всю остальную жизнь как-то зарабатывал на хлеб и картошку и писал картины, вот почти и все. Развлекался тем, что менял работы и квартиры, вернее комнаты в коммуналке, обновляя пейзаж за окном и маршруты прогулок.

Один раз попытался переменить судьбу: уехал жить в Нарву. Но скоро Валентину Громову пришлось заняться поисками обратного обмена.

В 1970-е годы у него были мысли об эмиграции или о поездке в гости во Францию: из разряда фантастических проектов, хотя вызовы приходили реальные.

Всегда опасавшийся «подвоха», он с недоверием отнесся к «газаневщине», но все же оказался в какой-то мере втянут в художественную жизнь 1970-х годов. Был, вместе со Шварцем, участником нескольких квартирных выставок и так называемой армянской, организованной Генрихом Игитяном в Музее современного искусства в Ереване. В 1980-е годы вместе со Шварцем и Громовым однажды экспонировался на выставке ТЭИИ.

Но были уже публикации о группе в шемякинском «Аполлоне», статья Константина Кузьминского в «АЯ», статьи в «Часах», а к концу десятилетия вышла «Газаневщина» Анатолия Басина. Для узкого круга Васми был личностью легендарной, в качестве таковой получил в 1990 году первую в жизни мастерскую на Пушкинской, 10. Пользовался ею до смерти.

Такое ощущение, что манера Васми появилась, словно Афина из головы Зевса – готовой, и если менялась, то чуть-чуть: цветовые отношения в работах 1950-х более резкие, в ранней графике встречается исчезнувшая потом штриховка.

Просится и не раз произносилось слово «примитив», подкрепляемое этим постоянством, застылостью и эмблематичностью формы, как будто неспособностью к иллюзорному, натуралистическому воспроизведению реальности. Но, произнеся это слово, чувствуешь его неуместность. Как говорить о примитиве, когда столь утончен вкус, изысканны цветовые отношения, совершенна гармония, когда нет и следа неуклюжести или корявости.

Васми кажется застылым лишь на первый взгляд, потом ощущаешь как бы медленное плавное движение. Находишь внутри картины невозможные в примитиве абстрактные элементы. И усвоенные уроки конструктивизма, фовизма.

Конструктивизм в 1930-е годы приходил к детям вместе с детскими книжками, и сосед по квартире, Николай Лапшин, о котором всегда упоминается, чуть речь заходит о

Васми, один из тех, кто эти книжки создавал. Геометрия, служившая в 1920-е годы выражением холодного рационализма русского авангарда, у Васми претворилась в способ упорядочить пространство, устранить хаос. Васми, как и все арефьевцы, ее не развеществлял. Геометрия трамвайных линий, брандмауэров, аккуратно-жестких рядов деревьев с отпиленными ветками или сжатых в комок домов становится средством выразительности.

О детских книжках в эпоху индустриализации у Васми напоминает и количество движущихся механизмов: автомобилей, самолетов, кораблей в особенности.

Кроме способности упорядочить пространство, есть несколько качеств, которыми Васми обладал в высшей степени. Колористическая изысканность. Свечение живописи. Совершенство композиции. Лаконичность, переходящая в монументальность. Способность найти знак. Способность к обобщению.

В противоположность Арефьеву, который приходит к фигуре-формуле через сотни реалистических рисунков, у Васми способность к обобщению – похоже, само свойство его виденья.

Если манера родилась с ним вместе, то при чем здесь Арефьев? А при том, что «всегда в основе лежало наблюдение». Васми наблюдаемое в наибольшей мере преобразует – очищает и приподнимает.

Но он еще – как и Арефьев, Шварц, Громов – создавал композиции на религиозные темы. Ибо, как и они, мерил себя мерками великого искусства и хотел испытать свои средства на вечных сюжетах. И смехотворны появившиеся в печати утверждения, что Васми делал это под влиянием визита к Стерлигову, словно Стерлигов первый, кто ввел эту тему в искусство.

Васми работал во всех основных жанрах: пейзаж, натюрморт, портрет. В каждом из них приводил натуру к эмблеме.

Он поглощён общими смыслами. Если для Арефьева обнаженная – всегда конкретная женщина, то у Васми – это идея женщины или магический символ, призванный защитить от ее же необоримой власти. И одновременно протест против жанра и смысла ню, утвердившегося в искусстве.

Пересечения с Арефьевым гораздо более очевидны в графике. Тут он, как и Арефьев, наблюдатель, хроникер городской жизни. Отстраненный и любознательный. В графике большая, чем ему удавалась в живописи, вместимость пространства, большой диапазон тем и большая конкретность: улицы, храмы, гулянья в парке, железная дорога, автогонки, демонстрация, салют, карусель, кафе, автобусные остановки, лыжники и боксеры, дамы под феном, солдат с деревянной ногой играет на гармонии, женщина навещает мужчину в больнице или встречается из тюрьмы, и многое, многое другое. Человеческие фигурки, единые в своей схематичности, на первый взгляд кажутся созданными неумелой рукой, по-детски обаятельно, с детской свободной, не заботящейся о мелочной точности, о количестве пальцев на руке. Но пропорции фигуры, ее соотношение с окружением, в отличие от детского рисунка, соблюдены. А внутреннее наполнение этих листов, отношение к изображаемому сложно и парадоксально. Тут сочетаются эпичность и лирическое звучание, сарказм и нежность, которую он себе позволял только на расстоянии.

Чего Васми не умел, так это говорить пространно. Он все характеризовал двумя словами. Но характеризовал всегда точно.

